

СЕПАРАТИЗМ В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ ФЛАМАНДСКИХ ПРАВОПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ

П.В. Осколков

Факультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья посвящена проблеме фламандского сепаратизма, включая автономизм и индпендизм, и её отражению в программах правопопулистских партий – «Фламандского блока» (с 2004 г. «Фламандский интерес») и «Нового фламандского альянса». Даётся краткая история феномена сепаратизма как одного из основных составляющих правопопулистской программы. Фламандский сепаратизм рассматривается в контексте европейской интеграции, а также в сравнении с другими сепаратистскими движениями. Будучи артикулирован как политическое требование в 1990-е гг., фламандский сепаратизм прочно вошёл в программы правопопулистских партий. Был создан ряд проектов отделения Фландрии, которое, по мнению авторов, должно произойти в форме раздела Бельгии – чтобы Валлония не стала единственным государством-правопреемником бельгийской федерации. ЕС, как правило, воспринимается сепаратистами как сдерживающий институциональный фактор, однако признаётся его роль в общеевропейском усилении регионов. Элементы, которые были призваны удерживать бельгийскую федерацию от распада, фактически не функционируют должным образом, однако достижение полной независимости лишь закрепило бы *de jure* уже существующее административное и политическое разделение и создало бы массу административных проблем. Поэтому в последние годы число сторонников независимости Фландрии снизилось, но бельгийская федерация находится в определённом «моменте равновесия», который действия правопопулистских партий в состоянии нарушить.

Ключевые слова: Фландрия, Бельгия, сепаратизм, индпендизм, «Фламандский интерес», «Новый фламандский альянс», правый популизм, национализм, регионализм.

УДК 329.273

Поступила в редакцию 16.07.2017 г.

Принята к публикации 01.10.2017 г.

В данной статье показано, как фламандский сепаратизм, будучи одной из неизменных структурных составляющих бельгийской политики с момента образования бельгийского государства, отражается в программных установках и деятельности фламандских правопопулистских партий. Мы рассматриваем фламандский сепаратизм в качестве одной из ключевых составляющих правопопулистского дискурса во Фландрии, наряду с антииммиграционной повесткой. Фламандские правые популисты занимают чёткую позицию по тем насущным вопросам, которые не находят отражения в программных установках и деятельности партий мейнстрима. Они эксплуатируют противоречие между запросом электората и ответом правительственных структур (в соответствии с теорией популизма Э. Лакло); иначе такие партии лишаются фактора привлечения избирателей.

Из отечественных авторов о фламандском сепаратизме писали Ф.А. Попов [5], А.И. Тэвдой-Бурмули [6], С.В. Бирюков [1]. При этом только А.И. Тэвдой-Бурмули помещает проблему фламандского сепаратизма в контекст партийно-идеологической борьбы и правопопулистского подъёма, в то время как С.В. Бирюков и Ф.А. Попов анализируют движение за независимость Фландрии как самостоятельный феномен. С.В. Бирюков делает акцент на обще-европейском контексте и поиске путей решения проблемы сепаратизма, а Ф.А. Попов рассматривает фламандский сепаратизм как одно из проявлений сецессионистских тенденций в глобальном масштабе. Среди бельгийских авторов необходимо выделить Р. Эрно [8] и П. ван Велтховена [14]. Р. Эрно рассматривает фламандский сепаратизм преимущественно с экономической точки зрения, не связывая его с партийной политикой. П. ван Велтховен анализирует исторические причины фламандского сепаратизма, не уделяя внимания современным политическим партиям и их популистской природе.

В отечественной науке используется несколько терминов для обозначения организованного стремления этнорегиональной общности к обособлению от материнского государства: сепаратизм, сецессионизм, индипендизм, ирредентизм. Сецессионизм направлен на сецессию [5, с. 20]. Сепаратизм – это самый обобщающий термин, он подразумевает в целом стремление к обособлению, включая как сецессионизм, т.е. выход части государства из его состава, так и автономизм/регионализм, т.е. расширение автономии в рамках существующего государства. Сецессия, направленная на присоединение территории к другому государству, обозначается термином ирредентизм, а предполагающая возникновение нового центра власти – индипендизм [5, с. 24–25].

Ирредентистский дискурс во Фландрии непопулярен. Опросы общественного мнения по поводу объединения Нидерландов и Фландрии не проводились с 2008 г. Тогда 45% нидерландцев высказались за слияние, а большинство

фламандцев – против¹. В настоящее время такую идею «великих Нидерландов» разделяют в Бельгии только маргинальные организации, а в Нидерландах – не только маргиналы, но и парламентская «Партия свободы»².

Существенная часть фламандских националистов выступает за образование самостоятельного государства. Их не устраивает модель федерации, где Фландрия вписана в громоздкую систему управления, которая, к тому же, отражает «валлонскую программу». Председатель партии *Rassemblement wallon* Поль-Анри Жандебьен пишет: «...федерализм по-бельгийски – это историческое поражение. Он не решил проблем Валлонии. Он не сдержал национальных стремлений Фландрии, а также её непосредственных требований» [7, с. 98]. Большинство идеологов фламандского национализма считают, что недостаточно быть одним из регионов в «Европе регионов»: независимая Фландрия должна напрямую участвовать в международных структурах [13, с. 28], сохраняя открытую и экспортоориентированную экономику.

Необычность фламандского сепаратизма по сравнению с другими странами Европы в том, что представители этноса, претендующего на отделение, составляют большинство населения страны. А.И. Тэвдой-Бурмули отмечает, что из «латентного феномена» фламандский сепаратизм превратился в «значимое политическое явление, видимое внешнему наблюдателю» за два последние десятилетия [6, с. 77]. Впервые в новейшей истории политическое требование государственной независимости Фландрии было выдвинуто партией «Фламандский блок», которая 29 апреля 1990 г. провела в Стромбек-Бевере конгресс под лозунгом «Независимость необходима и возможна». На следующий год Фламандское национальное движение организовало в Куртрэ конгресс «Независимая Фландрия».

Проясним, какие фламандские партии³ мы называем правопопулистскими. Большинство исследователей относят к критериям правого популизма соединение популистской стратегии политического поведения (понимаемой как прямое обращение к народу) и нативизма [12, с. 1173–1175], а также сочетание двух дихотомий: вертикальной («простой народ» против «элиты») и горизонтальной («свои» против «чужих») [10, с. 18]. Указанным критериям соответствуют две бельгийские/фламандские партии: «Фламандский интерес» (*Vlaams Belang*, VB) и «Новый фламандский альянс» (*Nieuwe Vlaamse Alliantie*, N-VA).

Демаргинализовав фламандский сепаратизм, «Фламандский блок» (позднее – «Фламандский интерес») так и не смог войти в политический истеблишмент Бельгии. Тему сепаратизма от него «подхватил» более уважаемый «Новый фламандский альянс» (НФА) [6, с. 80], благодаря которому регионалистская

¹ *Nederlanders niet meer zo tuk op fusie met Vlaanderen* // HLN.be. 11.11.2007. URL: <http://www.hln.be/hln/nl/957/Binnenland/article/detail/72128/2007/11/11/Nederlanders-niet-meer-zo-tuk-op-fusie-met-Vlaanderen.dhtml> *Nederlanders niet meer zo tuk op fusie* (дата обращения: 23.04.2016).

² *Heyer D. Wilders wil Vlaanderen bij Nederland hebben* // Metro. 09.03.2016. URL: <http://www.metronieuws.nl/nieuws/binnenland/2016/03/wilders-wil-vlaanderen-bij-nederland-hebben> (дата обращения: 29.04.17).

³ Во Фландрии и Валлонии отдельные партийные системы.

повестка стала одной из главных составляющих фламандского политического дискурса. В отличие от «Фламандского интереса» (ФИ), выступающего за независимость Фландрии, НФА выдвигает умеренное требование государственной реформы с превращением Бельгии в конфедерацию. В предвыборной программе ФИ 2014 г. сказано: «Конфедеративные модели, которые сейчас предлагаются, не дают выхода из бельгийского тупика... «Фламандский интерес» намерен активно готовить будущую Фламандскую республику... Поэтому: больше никаких государственных реформ, Фландрия как суверенное государство в Европе и в мире»⁴; при этом Брюсселю отводится роль столицы будущей Фламандской республики. «Новый фламандский альянс» же выступал тогда «за конфедеративную модель, в которой основная часть полномочий будет принадлежать регионам»⁵, а Брюссель сохранил бы нынешний статус столицы единой страны.

Необходимо учитывать, что популярные во Фландрии идеи сецессионизма заимствуют в своей программе и партии политического мейнстрима, прежде всего, CD&V – «Фламандские христианские демократы». Обосновывая тезис о подобном заимствовании, А.И. Тэвдой-Бурмули подсчитал поддержку регионалистской повестки путём сложения электоральных результатов партий, имеющих в своей программе пункт о расширении фламандской автономии. Сложив таким образом результаты на выборах 2014 г. «Нового фламандского альянса», «Фламандских христианских демократов» и «Фламандского интереса», получаем 35,6 % голосов избирателей, при том что совокупный потенциал упомянутых партий за последние 15 лет вырос примерно на 5% [6, с. 82].

В 1999 г. группа представителей фламандской общественности передала фламандскому парламенту 24 тысячи подписей в пользу составления «Проекта конституции фламандского государства». Парламент сформировал рабочую группу для выработки такого проекта. О том, что новое государство ориентируется на тесные связи с Нидерландами, было указано в преамбуле проекта и в ст. 97⁶. В ст. 3 говорилось, что для передачи части полномочий международным или наднациональным организациям требуется принятие специального закона, одобренного 2/3 членов парламента. В соответствии со ст. 96, любой международный договор, передающий существенные полномочия государства наднациональным структурам, подлежит утверждению на референдуме (референдум не требуется, если государство передаёт свои полномочия без заключения соответствующего договора или в одностороннем порядке). Отдельная глава была посвящена правам брюссельских франкофонов. Им гарантировалась охрана языкового, культурного и научного наследия; официальными языками в Брюсселе ст. 83 провозглашала нидерландский и французский. Подлежит формированию Совет франкофонов Брюсселя, обладающий полномочиями в сфере организа-

⁴ Uw stok achter de deur: verkiezingsprogramma. Brussel: Vlaams Belang, 2014. P. 5.

⁵ Vlaanderen betaalt de Belgische factuur: analyse van N-VA. Brussel: N-VA, 2013. P. 33.

⁶ Такая необходимость упоминается и в последующих сецессионистских планах, к примеру, в «плане Вермейрена» [13].

ции франкоязычных культурных мероприятий и франкоязычного образования в столице⁷.

Десятая глава предусматривала введение в духе положений Маастрихтского договора о суверенитете государств-членов усиленного парламентского контроля над политикой ЕС в том, что затрагивает интересы Фландрии. Ст. 97 содержала обязательство правительства информировать парламент о своих инициативах в международных организациях. Парламент должен был определять границы переговорных возможностей правительства в Европейском совете (ст. 94). Ст. 93 указывала, что независимая Фландрия как член Европейского союза сохраняет за собой право выхода из него, в случае, если последним будут нарушены принципы субсидиарности и уважения идентичности государств-членов.

За время, прошедшее после составления проекта, в Европе многое изменилось. Изменилось и отношение националистических партий к ЕС. Новый фламандский альянс сохранил ориентацию на европейскую интеграцию, предостерегая всё же против создания «Соединённых Штатов Европы» и расширения наднациональных полномочий ЕС. А партия «Фламандский интерес» включила в свою социально-экономическую программу (2012 г.) пункт «Нет молоху ЕС, да – свободным нациям» (п. 1 гл. 6), где читаем: «...через десять лет после введения евро дальнейшее существование единой валюты и, шире, европейского проекта, уже не кажется само собой разумеющимся... ЕС организован по модели... федералистского бюрократического молоха... Соединённых Штатов Европы. Такая конструкция нежизнеспособна, потому что не существует европейского языка, европейского народа, общеевропейского политического пространства... «Фламандский интерес» горд быть *еврокритической и евроскептической партией*... ФИ выступает за трансграничное сотрудничество, европейские торговые соглашения, сокращение формальностей и препятствий для торговли. Однако принимать решения должны народы соответствующих стран»⁸. Мы видим также радикальное отношение к свободному перемещению граждан в ЕС: «Есть одно решение: отменить или игнорировать Шенгенское соглашение и вновь ввести внутренние границы»⁹.

Со своей стороны, умеренные сторонники фламандского индпендизма отмечают роль Евросоюза в ликвидации существенных препятствий к фламандской независимости путём введения единой валюты, принципа субсидиарности, когда возникающие проблемы должны решаться на максимально «низовом» уровне, и общего повышения роли регионов [15, с. 110]. Политолог Ксавье Мабий отмечает, что «ЕС поощряет долговременный процесс усиления регионов, но будет всячески препятствовать разделению составляющих его государств.

⁷ Proeve van Grondwet van de Republiek Vlaanderen / G. Van Steenberge, D. Crols. Brussel: Vlaams Belang, 2005. P. 14.

⁸ Vlaams Sociaal-Economisch Belang: sociaal-economisch programma / Vlaams Belang. Brussel: Vlaams Belang Studiedienst, 2012. P. 138-139.

⁹ Ibid. P. 148.

Если, допустим, признать независимость Фландрии... на карту будут поставлены сами основы ЕС» [3, с. 64]. Несмотря на косовский прецедент, ни Франции с её проблемами в Корсике и (в меньшей степени) Бретани и Окситании/Лангедоке, ни Испании, борющейся с баскским и каталонским сепаратизмом, ни Италии, где популярны идеи «Лиги Севера», положительный пример сецессии в Западной Европе ни к чему.

Как же фламандские националисты и правые популисты рассматривают перспективу «разделения» Бельгии? В качестве примеров удачного «разведения» регионов обычно приводят примеры Норвегии (расторгнувшей унию со Швецией), Словакии (разошедшейся с Чехией) и Черногории (осуществившей «мирный развод» с Сербией). Больше всего бельгийская ситуация напоминает Чехословакию, притом с Валлонией сравнивают Словакию как экономически более слабую часть страны, с традиционно социалистической ориентацией населения.

По мысли таких идеологов индпендизма, как Карим Ван Овермейре и Герольф Аннеманс, следует противиться тому, чтобы разделение Бельгии было представлено как «отделение Фландрии», ибо в таком случае Валлония стала бы государством-правопреемником Бельгии, наследуя места в ООН, НАТО и ЕС. Фландрии придётся делать всё заново, а Валлония сможет препятствовать вхождению независимой Фландрии в международные институты [12, с. 97]. Разделение Бельгии должно быть закреплено двусторонним договором о прекращении функционирования бельгийской федерации. К тому же отделение Фландрии в результате односторонней сецессии могло бы оправдать последующий сепаратизм франкоязычных анклавов во Фламандском Брабанте, как это случилось с сербскими районами Хорватии и Косово. Поэтому разумнее или применить т.н. *clean-state theory* (ранее такой подход применялся только при деколонизации), или же распространить на оба новообразованных государства членство Бельгии в указанных выше международных организациях.

Партия «Фламандский интерес» пошла ещё дальше. 27 апреля 2010 г. Филип Девинтер, Йорис ван Хаутем, Карим ван Овермейре и Марейке Диллен предложили фламандскому парламенту резолюцию «по вопросу принятия необходимых мер и передачи инструкций фламандской администрации на случай возможного распада Бельгийской федерации», указав на необходимость «уже сейчас предпринять все необходимые дипломатические меры, дабы заявить о том, что Фландрия как *государство-правопреемник Бельгийской федерации* будет придерживаться международных обязательств последней»¹⁰. В социально-экономической программе «Фламандского интереса» говорится: «Голос Фландрии может быть услышан в ЕС, только если она заменит собой Бельгию»¹¹.

¹⁰ Vlaams Parlement: stuk 505. Nr. 1. 2009-2010. Brussel, 2010. P. 3.

¹¹ Vlaams Sociaal-Economisch Belang: sociaaleconomisch programma / Vlaams Belang. Brussel: Vlaams Belang Studiedienst, 2012. P. 140.

Вероятно, в данной ситуации сепаратисты делают расчёт на то, что более половины населения Бельгии живёт во Фландрии. Однако трудно себе представить, что даже в не самом вероятном на сегодня случае фламандской независимости вариант «государства-правопреемника» реален. По крайней мере, Романо Проди в бытность председателем Европейской комиссии заявил, что «в случае распада какой-либо страны-члена ЕС вновь образовавшиеся государства не унаследуют членство в ЕС, а будут вынуждены проходить весь цикл вступления в ЕС заново» [6, с. 84]. Но преемники Проди не делали столь категоричных заявлений и, видимо, лидеры фламандских националистов надеются, что Фландрия будет признана «исключительным случаем».

Помимо рассмотренных выше партийных проектов, свои идеи по отделению Фландрии представляют учёные и аналитические центры. Реми Вермейрен, основатель и председатель научно-исследовательского института региональной экономики Vives при Католическом университете Лувена, в 2005 г. основал исследовательскую группу *In de Warande*, составившую под его руководством «Манифест за независимую Фландрию в Европе»¹². В 2012 г. Вермейрен опубликовал монографию «Бельгия: невыполнимая миссия. Фламандская независимость – право и необходимость», которая, по его собственному утверждению, стала продолжением и актуализацией упомянутого Манифеста [15, с. 8].

Непосредственно план распада Бельгии занимает очень небольшую часть книги, преимущественно составленной из экономических графиков и пояснений к ним. Вермейрен предлагает преобразовать Брюссель в двуязычный город-государство, а немецкоязычному сообществу предоставить возможность выбора – присоединиться к Фландрии или к Валлонии [15, р. 207]. Предполагается, что Фландрия и Валлония одновременно станут независимыми государствами и в равной мере государствами-правопреемниками Бельгии, в том числе в вопросе членства в ЕС. Вермейрен считает, что Брюсселю следовало бы не входить в ЕС и сохранить максимально возможный нейтральный статус [15, р. 208]. В той мере, как Брюсселю отведён статус квазисамостоятельного кондоминиума, а не столицы Фламандской республики, «план Вермейрена» можно считать компромиссным.

Перспектива государственного переустройства Бельгии сейчас видится гражданам Бельгии не столь радужной, как в 2010 г. В октябре 2015 г. Институт социологических исследований при Католическом университете Лувена (*Institute for Social and Political Opinion Research, ISPO*) провёл опрос, показавший, что за раздел выступают 6,4% бельгийцев, а 36,4% предпочитают расширение полномочий Фландрии и Валлонии¹³. Фламандское народное движение (общественная организация, близкая к партии Фламандский интерес) считает

¹² Manifest voor een zelfstandig Vlaanderen in Europa / Denkgroep «In de Warande». Brussel: In de Warande, 2006. 252 p.

¹³ Swyngedouw M., Abts K., Baute S. et al. Het communautaire in de verkeeringen van 25 mei 2014 // Centrum voor Sociologisch Onderzoek (CeSO), Instituut voor Sociaal en Politiek Opinieonderzoek (ISPO). CeSO/ISPO/2015-1. P. 15.

эти результаты не заслуживающими доверия, потому что опрошено только 1183 человека¹⁴, и многие из опрошенных расширение полномочий регионов понимают в духе программы «Нового Фламандского альянса», то есть как отделение Фландрии в ходе постепенной эволюции государственного устройства. «Фламандское народное движение» обвинило «Новый фламандский альянс» в «запутывании населения», «отказе от борьбы» за независимость¹⁵.

Как бы то ни было, несмотря на снижение общественной поддержки идеи фламандской сепаратизма, будущее (как и настоящее) Бельгии как единого государства остаётся под вопросом. Об отсутствии целостности Бельгии, низкой степени сплочённости общества свидетельствует ряд фактов. Например: из всех телефонных разговоров в Бельгии с 1 октября 2006 г. по 31 марта 2007 г. только 2% пересекали языковую границу [9, с. 9]. Из 41 тысячи браков, заключённых в 2010 г., только 110 заключались между жителями Фландрии и Валлонии [15, с. 30]. Всего 28% фламандцев и 39,8% валлонцев считают себя бельгийцами [4, с. 49]. С отдельными партиями, университетами, СМИ, книжными магазинами, системами общественного транспорта и даже – до недавнего времени – полицией Фландрия и Валлония фактически уже не зависят друг от друга. «Единственным бельгийцем в Бельгии» остаётся король (которому фламандские националисты напоминают о принадлежности к немецкой Саксен-Кобургской династии¹⁶), но 41% фламандцев выступают за отказ от монархии и переход к республиканскому устройству¹⁷.

Возможно, что снизившийся в последние годы процент сторонников сепаратизма объясняется прагматически: сепаратизм лишь узаконила бы сложившийся на деле status quo, но повлекла бы за собой немало административных проблем. Отметим, что одновременно вырос процент валлонов, выступающих за независимость (без присоединения к Франции): в 2010 г. 36% [10, с. 393]. Сложилась парадоксальная ситуация: административные шаги и громкие инициативы «на пути» к сепаратизму принимаются во Фландрии, а сторонников сепаратизма больше в Валлонии.

Интересны также и следующие показатели: в Валлонии доля на рынке французских (вещающих из Франции) телеканалов составляет 31,5% (сюда отнесены каналы TF1, France 2 и France 3); во Фландрии вещающие из Нидерландов телеканалы (Nederland 1, Nederland 2, Nederland 3) составляют лишь 3,3% [10, с. 38]. Если, как уже было сказано, большинство фламандцев не желает слы-

¹⁴ Winckelmans W. Vlaming houdt weer van België // De Standaard. 28.04.2015. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20150427_01652606 (дата обращения: 29.04.2017).

¹⁵ Deckers B. Peiling: "Amper 6% voor onafhankelijkheid", VVB: "Onmogelijk resultaat!" // ReAct: Rechts Actueel. 29.04.2015. URL: <https://rechtsactueel.com/2015/04/29/peiling-amper-6-voor-onafhankelijkheid-vvb-onmogelijk-resultaat/> (дата обращения: 23.04.2017).

¹⁶ См., к примеру, в известной песне популярного фламандского барда Виллема Вермандере «Мой Иисус – еврей» есть слова: «Мы гордимся, что можем весело петь: да здравствует наш король, привезённый из Саксен-Кобурга». ("We zijn fier te meugen zingen / absoluut ongegeneerd / lang lang leve onze koning / uit Saxon Coburg g'importeerd").

¹⁷ Winckelmans W. Op. cit.

шать о возможном присоединении к Нидерландам, то среди валлонов процент ратташистов (от франц. *se rattacher* – «присоединяться»), т.е. тех, кто выступает за присоединение Валлонии к Франции (NB: в случае отделения Фландрии!), составляет 39%¹⁸ (по данным IFOP – Французского института общественного мнения). Впрочем, как и во фламандско-нидерландском случае, поддержка ирредентизма намного больше со стороны населения гипотетического «материнского государства»: за присоединение Валлонии выступают 60% французов. Марин Ле Пен также высказалась по данному поводу: «Если Фландрия станет независимой, что всё более вероятно, для Франции стало бы делом чести принять в свой состав Валлонию»¹⁹. Уже цитировавшийся здесь валлонский политик Поль-Анри Жандебьен призывает валлонов готовиться к разделу страны и включению Валлонии в состав Франции [1, с. 50]. Не будем забывать и о символическом голосовании о будущем Валлонии, проводившемся на Валлонском национальном конгрессе, созванном сразу после войны: делегаты голосовали в два этапа, и первый этап голосования (названный «голосом разума») выявил желание Валлонии остаться в составе Бельгии, в то время на втором этапе (получившем название «голос сердца») почти половина делегатов отдала свои голоса за присоединение к Франции.

Дальнейшую эскалацию противостояния сдерживают периодические обещания центрального правительства продолжить федерализацию и раздел полномочий: такие перспективы успокаивают часть националистов, а их невыполнение удовлетворяет франкофилов [4, с. 56]. Трудно сказать, сколько продлится такое «перетягивание каната».

Ряд авторов, среди которых отечественный политолог С.В. Бирюков, полагают, что рецепт мирного разрешения бельгийских противоречий состоит в нахождении компромисса между сепаратизмом и централизмом, создании и упрочении модели «умеренного регионализма», который был бы основан на мультикультурализме и многоуровневой консенсусной системе управления [1, с. 43]. Однако подобная модель в Бельгии создана и функционирует с определёнными вариациями уже больше 30 лет, но далеко не все бельгийцы – как валлоны, так и фламандцы – ею удовлетворены. Лишь 33% фламандцев поддерживают идею сохранения существующего государственного устройства и баланса полномочий (большинство, правда, как мы видели, выступает не за немедленный раздел страны, а за постепенное расширение полномочий регионов), а мультикультурализм как политику и идею отвергают 72% бельгийцев²⁰.

В качестве условий сохранения консенсуса в Бельгии С.В. Бирюков называет высокий уровень легитимности федеральных институтов, поддержание ба-

¹⁸ Les Wallons, les Français et l'avenir de la Wallonie. Paris: IFOP, 2011. P. 11.

¹⁹ Le Pen veut «tendre la main aux Wallons» // Le Figaro. 21.07.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/07/21/97001-20110721FILWWW00401-marine-le-pen-fn-imagine-un-rattachement-de-la-wallonie-a-la-france.php> (дата обращения: 29.04.2017).

²⁰ Andriamanana T. Immigration : ce sondage terrible dont personne ne parle // Marianne. 20.08.2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.marianne.net/immigration-ce-sondage-terrible-dont-personne-ne-parle_a209414.html (дата обращения: 23.04.2017).

ланса в отношениях между общинами, сбалансированное развитие регионов, «когерентность экономических моделей и политических систем» в регионах, партийно-политический консенсус на федеральном уровне и недопущение политического радикализма в регионах [1, с. 44–45]. Практически ни один из этих пунктов не выполняется: уровень доверия к федеральным институтам крайне низкий (о своём доверии федеральному правительству заявили 52% опрошенных в октябре 2015 г.²¹), говорить о политическом консенсусе невозможно, радикальные идеи в регионах, особенно во Фландрии, весьма популярны, а равномерное развитие регионов на настоящий момент недостижимо.

Суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что Бельгия фактически уже не является единым государством, а все возможные факторы её сохранения за последнее десятилетие чрезвычайно ослабли. Фламандские националистические партии давно нашли решение и «проблеме Брюсселя», и проблеме «раздела имущества», создав соответствующую схему, а также разработав модель, пусть и не самую реалистичную, вхождения независимой Фландрии в европейские институты. В Валлонии царит пессимизм по поводу судьбы единого государства, и в случае распада страны существенная часть валлонов готова принять французское гражданство. Учитывая электоральные успехи национально ориентированных партий и плачевное состояние бельгийского единства, можно констатировать, что, хотя выполнения своих первоначальных задач «Фламандское движение» (организованное течение общественной мысли, направленное на достижение максимальной автономии Фландрии) добилось ещё во второй половине XX в., в настоящий момент ему нет смысла останавливаться на достигнутом. С другой стороны, центробежные процессы в Бельгии достигли состояния, в котором можно балансировать сколь угодно долго. Вопрос лишь в том, пойдут ли стороны на радикальные шаги, или же «Фламандское движение» сохранит своё влияние и популярность во Фландрии, не выполнив лишь «программы максимум» – достижения независимости Фландрии.

Идея фламандского сепаратизма и – более узко – индпендизма сохраняет свою популярность, так как, по мнению её идеологов, бельгийский федерализм не решил существовавших проблем, и в полной мере реализоваться фламандские устремления могут лишь в независимой Фландрии; при этом, будучи одним из основных дискурсивных противоречий бельгийской политики, фламандский сепаратизм в полной мере получил отражение в программах фламандских правопопулистских партий. Признанным большинством исследователей критериям правого популизма соответствуют в настоящий момент две бельгийские/фламандские партии: «Фламандский интерес» (Vlaams Belang, VB, ранее – «Фламандский блок») и «Новый фламандский альянс» (Nieuwe Vlaamse Alliantie, N–VA).

²¹ Peiling: N-VA houdt stand, coalitiepartners zien populariteit dalen // HLN.be. 09.10.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hln.be/hln/nl/957/Binnenland/article/detail/2484769/2015/10/09/Peiling-N-VA-houdt-stand-coalitiepartners-zien-populariteit-dalen.dhtml> (дата обращения: 23.04.2017).

Идея полной независимости Фландрии прозвучала как партийно-политическое требование в начале 1990-х гг. Её артикулировала партия «Фламандский блок», после чего индпендистская повестка вошла в программу более уважаемого на политической сцене «Нового фламандского альянса», и, косвенно, части партий, изначально не связанных с фламандским национализмом. Индпендистская программа отражена в нескольких документах и проектах. Все планы объединяет мысль о том, что не Фландрия должна отделиться от Бельгии, а Бельгия – разделиться. Смысл подобного шага в том, чтобы Фландрия и Валлония стали в равной мере правопреемниками бельгийского государства; если же Фландрия совершит одностороннюю сецессию, то «наследовать» Бельгии будет лишь Валлония, что поставит Фландрию в заведомо невыгодное положение.

Несмотря на то, что сторонники независимости Фландрии отмечают положительную роль ЕС в создании предпосылок для такой независимости, обе фламандские правопопулистские партии принадлежат к евроскептическому лагерю (евроскептицизм «Нового фламандского альянса» «мягкий», а «Фламандского интереса» – «жесткий»). Сторонние наблюдатели считают, что Евросоюз не допустит государственной сецессии в Западной Европе.

По некоторым опросам, в последние годы процент фламандцев, желающих обособления от Бельгии, резко снизился, но при этом 43% электората выступают за полную независимость и за расширение административной самостоятельности Фландрии. По сути, единая бельгийская идентичность населения уже растворилась, так что возможная сецессия лишь закрепила бы *de jure* положение дел, имеющееся *de facto*. Жители Валлонии и Фландрии общаются между собой даже меньше, чем это было бы возможно при наличии между ними государственной границы.

Как показано выше, все механизмы и элементы, которые были призваны разрешать и сдерживать межрегиональные противоречия – умеренный регионализм, компромисс между централизмом и сецессионизмом, авторитет федеральной власти, сбалансированное развитие – уже давно функционируют не должным образом, а то и вовсе отсутствуют. Но, хотя бельгийскую федерацию ничто не удерживает от распада, факторы, способные его инспирировать, ослабли или же, в некоторых случаях, ещё не достигли достаточной степени остроты. Таким образом, Бельгия, а вместе с ней и фламандский сепаратизм, находится в точке относительного равновесия, которую олицетворяет модель консоциативной (сообщественной) демократии (термин А. Лейпхарта), учитывающей интересы различных политических и этнических групп. В перспективе его способны разрушить фламандские правопопулистские партии, руководствуясь целью получения электоральных предпочтений.

Список литературы

1. Бирюков С.В. Бельгийский кризис и «Европа регионов» // Свободная мысль. 2009. № 8. С. 39–52.
2. Бычков М.А. Эволюция фламандского национализма // НИЦ «Социосфера». 2011. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2011/115/evolyuciya_flamandskogo_nacionalizma/ (дата обращения: 23.04.2017).
3. Кучук Ю. Бельгия: от сепаратизма к федерализму (эволюция федерализма в Бельгии) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. С. 61–64.
4. Ормонбеков Ж.Т. Единство в многообразии: применение европейского постулата в реализации инклюзивной языковой политики в Бельгии и Нидерландах // Казахстан в международных процессах. 2015. № 1. С. 49–63.
5. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 684 с.
6. Тэвдой-Бурмули А.И. Фламандский сепаратизм вчера и сегодня // Доклады Института Европы. 2015. № 318. С. 77–84.
7. Четверикова О.Н. Стратегия балканизации Европы: этносы и регионы в планах европейского строительства // Россия XXI век. 2007. № 5. С. 74–107.
8. Aernoudt R. Wallonie – Flandre: je t'aime moi non plus. Zellik: Roularta Books, 2006. 223 p.
9. Blondel V., Krings G., Thomas I. Regio's en grenzen van mobiele telefonie in België en in het Brussels stadsgewest // Brussels Studies. 2010. № 42. Pp. 1–12.
10. Deborsu C. Dag Vlaanderen! Hoe Walen écht leven en denken. Gent: Borgerhoof & Lamberigts, 2011. 400 p.
11. Grabow K., Hartleb F. Mapping Present-Day Right-Wing Populists // Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populist Parties in Europe. Brussels, 2013. Pp. 13–44.
12. Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // West European Politics. 2010. Vol. 33. № 6. P. 1167–1186.
13. Van Overmeire K. Vlaanderen onafhankelijk: hoe moet dat dan? Brussel: Egmont, 2007. 159 p.
14. Van Velthoven P. Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte. Soesterberg: Aspekt, 2012. 222 p.
15. Vermeiren R. België: de onmogelijke opdracht. Kalmthout: Pelckmans, 2014. 216 p.

Об авторе:

Пётр Викторович Осколков – преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: petroskolkov@yandex.ru.

FLEMISH SEPARATISM IN IDEOLOGY AND ACTIVITIES OF FLEMISH RIGHT-WING POPULIST PARTIES

P.V. Oskolkov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-169-182

Lomonosov Moscow State University, School of World Politics.

Abstract: The article is devoted to the issue of the Flemish separatism, including autonomism and independism (the latter aiming at the creation of own power center), and how it

is reflected in the programs of the Flemish right-wing populist parties. The author presents a brief history of the phenomenon; Flemish separatism is seen in the context of the European integration and in comparison with other separatist movements. Having been articulated politically in 1990s, Flemish separatism is now an inherent part of the right-wing populist party programs: of the Flemish Bloc program (since 2004 it is Flemish Interest) as an independence appeal, and of the New Flemish Alliance program as a call for further state reforming, aiming at the creation of a confederative system. A number of Flanders independence plans have been elaborated, whose authors posit that it is not Flanders that should quit the federation, but Belgium should officially disintegrate into two parts (because only in this case the French-speaking part of the country will not become the sole heir of the federation). The separatists usually see the EU as an institutional barrier; however, its role is acknowledged in the strengthening of regions' position in the entire Europe. The elements that should keep the Belgian federation intact are not de facto functioning properly; however, gaining full independence would only fix the de jure already existing administrative and political split, and would also create a number of administrative problems. That is why the percentage of the Flemish independence proponents has declined recently, and the Belgian federation is now in a certain "break-even point" that can be distorted by the right-wing populist parties.

Key words: Flanders, Belgium, separatism, independism, Flemish Interest, New Flemish Alliance, right-wing populism, nationalism, regionalism.

References

1. Biriukov S.V. Bel'giiskii krizis i «Evropa regionov» [European crisis and "a Europe of regions"]. *Svobodnaia mysl'*, 2009, no. 8, pp. 39–52 (in Russian).
2. Bychkov M.A. Evoliutsiia flamandskogo natsionalizma [Evolution of Flemish nationalism]. *NITs «Sotsiosfera» – Social Sphere*, 2011. Available at: http://sociosfera.com/publication/conference/2011/115/evolyuciya_flamandskogo_nacionalizma/ (Accessed 23.04.2017) (In Russian).
3. Kuchuk Iu. Bel'giia: ot separatizma k federalizmu (evoliutsiia federalizma v Bel'gii) [Belgium: from separatism to federalism (evolution of federalism in Belgium)]. *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii – Belarusian Journal of International Law and International Relations*, 2004, no. 4, pp. 61–64 (in Russian).
4. Ormonbekov Zh.T. Edinstvo v mnogobrazii: primeneniye evropeiskogo postulata v realizatsii inkluzivnoi iazykovoi politiki v Bel'gii i Niderlandakh [Unity in diversity: implementation of the European principle in realization of inclusive language policy in Belgium and the Netherlands]. *Kazakhstan v mezhdunarodnykh protsessakh – Kazakhstan in International Processes*, 2015, no. 1, pp. 49–63 (in Russian).
5. Popov F.A. *Geografiia setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in contemporary world]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012. 684 p. (In Russian).
6. Tevdoi-Burmuli A.I. Flamandskii separatizm vchera i segodnia [Flemish separatism yesterday and today]. *Doklady Instituta Evropy – Reports of Institute of Europe*, 2015, no. 318, pp. 77–84 (in Russian).
7. Chetverikova O.N. Strategiiia balkanizatsii Evropy: etnosy i regiony v planakh evropeiskogo stroitel'stva [Strategy of balkanization of Europe: ethnic groups and regions in European unifying plans]. *Rossii XXI vek – Russia 21st Century*, 2007, no. 5, pp. 74–107 (in Russian).
8. Aernoudt R. *Wallonie – Flandre: je t'aime moi non plus* [Wallonia – Flanders: I love you, and I no more]. Zellik, Roularta Books Publ., 2006. 223 p.
9. Blondel V., Krings G., Thomas I. Regio's en grenzen van mobiele telefonie in België en in het Brussels stadsgewest [Regions and borders of cellphone industry in Belgium and in Brussels capital re-

- gion]. *Brussels Studies*, 2010, no. 42, pp. 1–12.
10. Deborsu C. *Dag Vlaanderen! Hoe Walen écht leven en denken* [Buy Flanders! How Walloons really live and think]. Gent, Borgerhoof & Lamberigts Publ., 2011. 400 p.
 11. Grabow K., Hartleb F. Mapping Present-Day Right-Wing Populists. *Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populists Parties in Europe*. Brussels, FES Publ., 2013, pp. 13–44.
 12. Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*, 2010, vol. 33, no. 6, pp. 1167–1186.
 13. Van Overmeire K. *Vlaanderen onafhankelijk: hoe moet dat dan?* [Flanders independent: how to arrange it?]. Brussel, Egmont Publ., 2007. 159 p.
 14. Van Velthoven P. *Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte* [The French against the Flemish: how Belgium failed as a nation]. Soesterberg: Aspekt, 2012. 222 p.
 15. Vermeiren R. *België: de onmogelijke opdracht* [Belgium: Mission impossible]. Kalmthout, Pelckmans, 2014. 216 p.

About the author:

Petr V. Oskolkov – lecturer at the Department of Regional Aspects of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. 119991 Moscow, 1-51 Leninskie Gory, room 602. E-mail: petroskolkov@yandex.ru.